

АРХИТЕКТУРА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ЖИЛЫХ ДОМОВ ОЛЬВИИ

С. Д. КРЫЖИЦКИЙ

Институт археологии АН УССР

Настоящая статья содержит основные выводы, полученные в результате исследования остатков эллинистических жилых домов Ольвии. Работа проведена с целью создания научного обоснования и выполнения в графике объемно-планировочных реконструкций целого ряда этих домов. Ранее исследователи ограничивали свои задачи либо восстановлением только планировки отдельных домов¹, либо тема ставилась слишком общо². Нами подвергнута довольно существенному пересмотру планировка девяти ольвийских домов (в особенности это касается дома из раскопок 1902—1903 гг., у Зевсова кургана (рис. 3), что позволило выявить их некоторые интересные архитектурно-планировочные особенности.

Однако, поскольку в данной статье нет возможности привести достаточно подробные обоснования, мы ограничимся рассмотрением только наиболее типичных домов, реконструкции планов которых особых расхождений между исследователями не вызывают и потому принятые нами лишь с небольшими изменениями. Реконструкции объемов этих домов предлагаются впервые.

Эллинистические жилые дома Ольвии благодаря относительно большому их количеству (около полутора десятков), а также расположению в различных частях города, дают возможность получить более или менее полное представление об архитектуре жилого дома Ольвии в целом.

Все известные нам ольвийские эллинистические дома не выходят за рамки определения « рядовой » жилой дом. Это не дворцы и даже не такие богатые дома, как Дом Диониса или дом Масок. Вместе с тем, они и не слишком малы по площади, подобно однокомнатным домам раннего Пантикея³ или Киммерика⁴, примитивным одно-трехкомнатным (комнаты расположены в один ряд) домам, вырубленным в скале в Афинах классического периода⁵.

¹ Исключение представляют объемные реконструкции дома из раскопок 1902—1903 гг. у Зевсова кургана (Б. В. Фармаковский, *Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах*, в ИАК, 13, СПБ, 1906, стр. 32—98, табл. X, XI; И. Н. Соболев, *О реконструкции ольвийского жилого дома II в. до н.э., открытого Б. В. Фармаковским в 1902—1903 гг.* в VDI, 1953, 1, стр. 188—192) и северного здания на участке НГФ из раскопок 1909 и 1910 гг. (Б. В. Фармаковский, *Раскопки в Ольвии*, в ОАК за 1909 и 1910 годы, СПБ, 1913, стр. 48—76, рис. 80, 81, 87—89).

² Е. И. Леви и А. Н. Карасев, *Дома античных городов Северного Причерноморья*, в АГСП, 1955, стр. 215—247.

³ В. Д. Блаватский, *Строительное дело Пантикея*, в МIA, 56, М., 1957, стр. 13 и сл., рис. 8; Н. И. Сокольский, *Раскопки Пантикея*, в КС, 83, М., 1961 г., стр. 33, рис. 8.

⁴ И. Т. Кругликова, *Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.*, в МIA, 85, М.-Л., 1958, стр. 234 и сл., рис. 11.

⁵ Berta Carr Rider, *The Greek House*, Cambridge, 1916, стр. 219.

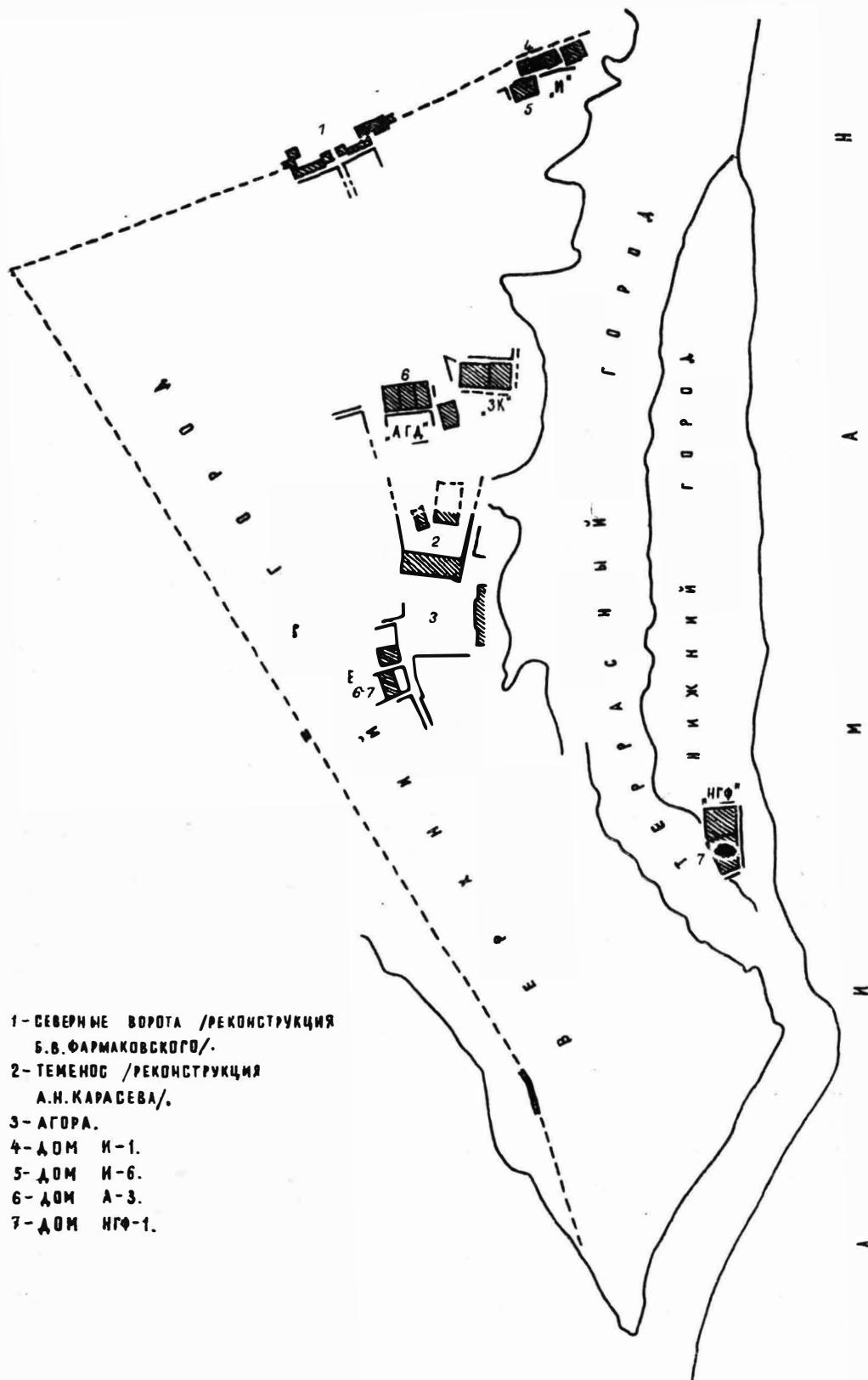

Рис. 1. — План Ольвии эллинистического времени. Штриховкой показаны сооружения, которые реконструировались.

Для лучшего понимания общих особенностей ольвийского домостроительства прежде всего необходимо сказать несколько слов о характере планировки города вообще.

Вплоть до настоящего времени весьма распространено мнение, что Ольвия имела регулярный прямоугольный план, возникший там еще в VI в. до н.э. Впервые это было высказано Б. В. Фармаковским еще в 1926 г.⁶

Однако после 1926 года изучение Ольвии намного продвинулось вперед: были раскрыты теменос, агора и, в частности, большие участки жилой застройки — И, АГД, Е₆₋₇, НГ, М.

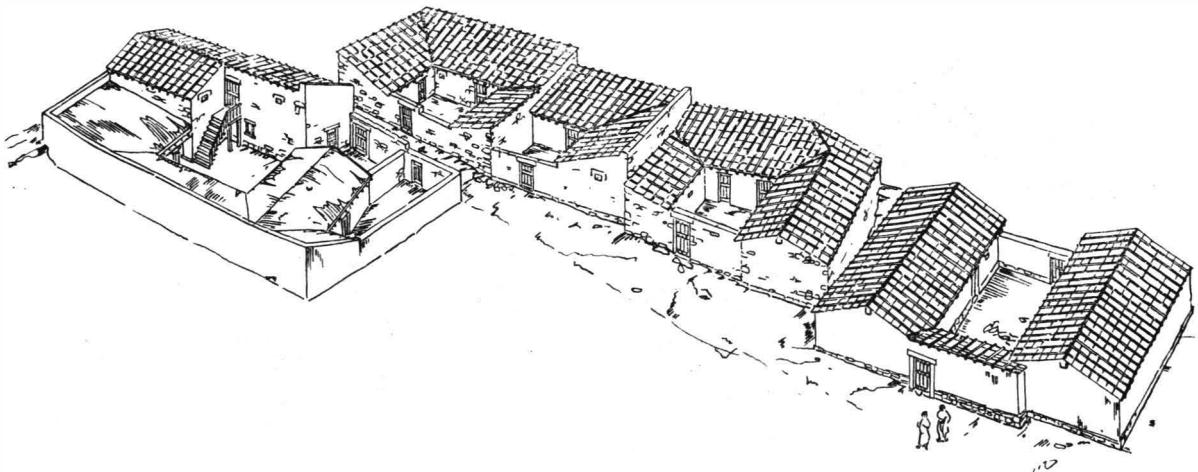

Рис. 2. — Общий вид жилых домов Средней террасы участка И с юго-востока. Реконструкция. Вверху, слева направо, дома И-1, И-2, И-3, И-4; внизу — дом И-6.

Анализ этих материалов позволяет считать, что в эллинистическое время, а равно и в классическое, поскольку, как правило, кладки стен этого периода параллельны эллинистическим, регулярный план города отсутствовал⁷.

В топографическом отношении Ольвия делилась на три части (рис. 1) — Верхний город, Нижний и склоны, причем последние занимают площадь, почти равную незатопленной территории Нижнего города. Судя по раскопкам на участках И и НГФ, склоны были (хотя бы частично) террасированы и заострены. Разумеется, их планировка, учитывая ломаную в плане конфигурацию и значительное падение рельефа, была нерегулярной и несомненно существенно отличалась от планировки относительно равнинных Верхней и Нижней частей города. Это, в свою очередь, исключает возможность существования единого регулярного прямоугольного плана и для всего города в целом. Отсутствовал такой план и в Верхнем городе, поскольку планировочные сетки его отдельных районов взаимно непараллельны и сдвинуты. Таким образом, допускать возможность существования регулярного плана в Ольвии можно только в отношении Нижнего города⁸, и то только благодаря его недостаточной исследованности.

Наряду с этим следует отметить, что внутри некоторых отдельных районов принцип прямоугольности нашел некоторое отражение (участок АГД, отчасти ЗК и НГФ), причем дома одного участка обычно отличаются от домов, расположенных в других районах по харак-

⁶ Б. В. Фармаковский, *Розкопування Ольвії* р. 1926, Одеса, 1929, стр. 40.

⁷ Учитывая это, трудно, естественно, предполагать, чтобы такой план мог существовать еще в эпоху архаики.

⁸ А. Н. Карапев, *Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города*, в МIA, 50, 1956, стр. 13.

теру планировки и степени последовательности ее применения на данном участке, по размерам, богатству декора, конструкциям и приемам строительной техники.

Так, дома окраинного участка И (рис. 2) по площади застройки, характеру архитектурно-декоративных решений и конструкциям занимают пока в Ольвии последнее место. Планировка их самая различная, конструкции выполнены на весьма низком техническом уровне.

Наиболее богатые жилые дома с единообразной планировкой, с высоким уровнем приемов строительной техники и благоустройства размещаются на участке НГФ и у Зевсова

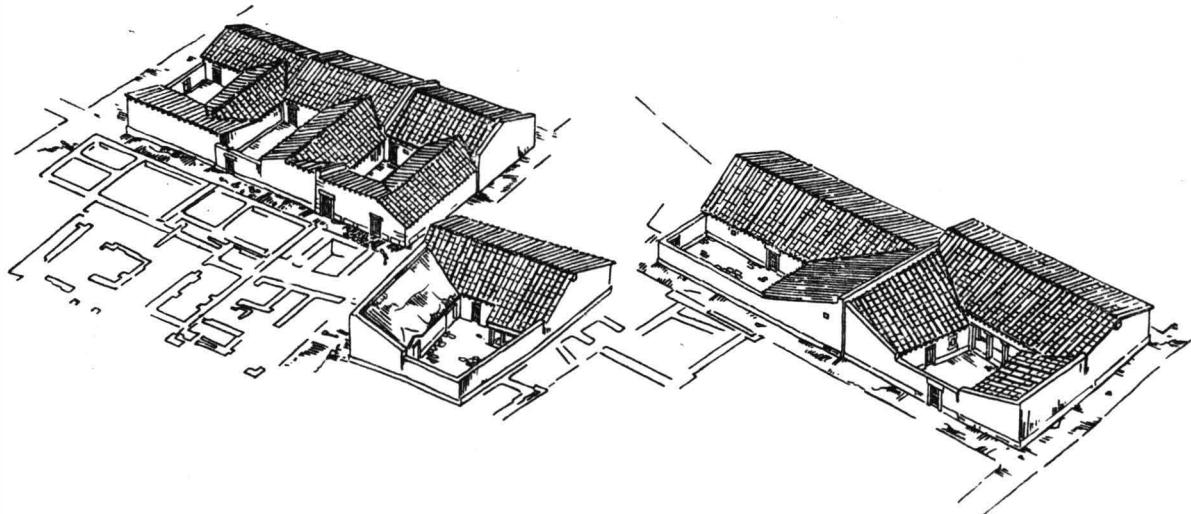

Рис. 3. — Общий вид жилых домов участков АГД и Зевсов курган с юга. Реконструкция. Квартал в левой части рисунка состоит из трех домов (слева направо) — А-2, А-10, А-3. Справа — дома из раскопок 1902—1903 гг. у Зевсова кургана.

кургана (рис. 3). Жилища районов АГД и Е₆₋₇, в этом отношении занимают среднее место между участками И и НГФ.

Это позволяет поставить вопрос о хотя бы стихийном (поскольку регулярный план отсутствовал) выделении в городском ансамбле районов с жителями более или менее одинакового социально-экономического состава и в известной мере отвечает типичной схеме социальной топографии эллинистического города⁹.

Каждый из таких районов в Ольвии делился на кварталы, примерные размеры которых колебались в пределах 19—22 × 35—37 м и 26—40 × 40—50 м. Относительная стабильность размеров и площади застройки отдельных домов в границах почти каждого отдельного квартала позволяют предположить, что эти вопросы регламентировались городскими властями¹⁰. Этот блочный принцип застройки, напечатанный яркое выражение в жилых кварталах классического Олинфа, в Ольвии прослеживается в той или иной мере почти на всех участках, особенно же на участках И (дома И-1, И-2, И-3 — рис. 2. Блок из трех домов в верхней части рисунка) и АГД (дома А-3, А-4, А-10 — рис. 3. Блок из трех домов в левой части рисунка).

⁹ Данная схема в целом вполне соответствует эллинистическим особенностям формирования городов: Т. Н. Козина, *Некоторые вопросы градостроительства эллинизма*, Вопросы всеобщей истории архитектуры, М., 1961, стр. 71; А. Н. Каравасев, *Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья*, в ПИС-ПАЭ, 1959, стр. 135; Е. И. Леви и А. Н. Каравасев, *ук. соч.*, стр. 220.

¹⁰ О точном определении границ отдельных владений как об одной из обязанностей аристократов упоминает Аристотель (*Аристотель, Политика*, VI, 5,3).

Большинство раскопанных ольвийских эллинистических домов относится к группе безордерных сооружений¹¹ с «Г» или «П»-образным и, как исключение, периметральным расположением крытых помещений относительно внутреннего двора.

Безордерные ольвийские дома можно условно разделить на две основные группы: дома обычной планировочной схемы, которые различаются главным образом по площади (100—200 кв. м. — дома малой площади (И-1, И-2, И-3) и 200—400 кв. м. — дома большой площади (А-2, А-3, А-4, А-10, ЗК-2, Е-2)) и дома нетипичной схемы (И-4, И-6), имеющие те или иные принципиального порядка отличия в плане от общеантичных типов жилых домов.

В домах обычной схемы помещения располагаются вокруг одного внутреннего двора; основные жилые комнаты имеют южную ориентацию; площадь дворов находится в обычных для Ольвии пределах, составляя 11—27% от площади застройки. В домах большой площади комнаты располагались обычно в два ряда — гдоль северной границы двора (А-2, А-3, А-10, ЗК-2, Е-2).

Прежде чем привести конкретные примеры объемно-планировочных реконструкций наиболее типичных ольвийских домов, кратко остановимся на проблеме определения высот в этих домах. Поскольку остатки наземных помещений жилых домов Ольвии сохраняются на весьма неизначительную высоту, мы вынуждены для определения высот наземных помещений использовать только косвенные данные.

Если почти не представляет трудности определение высот в домах, имеющих дорические или ионические портики, то в случае аттического ордера это несколько сложнее, так как его пропорциональные членения до сих пор изучались на относительно небольшом круге памятников. И все же, нам представляется возможным определить высоту столбов аттического ордера по меньшей стороне капители или базы. Основываясь на указаниях Шуази¹², мы принимаем высоту столба в 10—11 раз более ширины его фасадной стороны (последняя у ольвийских аттических капителей чаще всего составляет 0,18—0,22 м (при общих колебаниях 0,13—0,3 м)). Полученная высота — 1,8—2,5 м (0,13¹³—3,3 м) обычно хорошо совпадает с величиной, определяемой по ширине портика¹⁴. Близкие цифры дают и олинфские дома, где высоты первых этажей, вычисляемые по уклону сохранившихся остатков лестниц, составляют 2,65—3,9 м¹⁵. Если в дополнение к этому учесть, что в ольвийских жилых домах с портиками, решавшимися в дорическом ордере, высота колонн составляла 2,5—3,0 м, то высоты, полученные нами для аттического ордера, представляются вполне реальными. Отсюда легко рассчитать и высоты помещений, которые, в зависимости от ширины портиков и перекрываемых помещений, составляли в ордерных домах 2,6—3,2 м (при расчете по основаниям капителей) и 3,2—4,2 м (при расчете по ширине портиков).

Представляется очевидным, что вряд ли высоты помещений в обычных безордерных домах могли превышать полученные выше цифры. Таким образом, мы получаем верхний предел для безордерных домов. Нижний предел, по-видимому, можно ограничить примерно высотой человеческого роста — 1,8—1,9 м. Это находит подтверждение отчасти и в натуре — минимальная высота ольвийских жилых подвалов (дома И-2, А-10) составляет 1,9—2,2 м. Очевидно

¹¹ Имеются в виду дома, где применение ордера планировкой не предусматривалось и, следовательно, объемное решение могло и не отражать особенности пропорционального построения того или иного ордера, в том числе и аттического.

¹² О. Шуази, *История архитектуры*, т. I, М., 1935, стр. 288; в ВИА, т. II, кн. 1, М., 1949, рис. 253, 254, стр. 255 и сл.

¹³ Можно предполагать, что капители со сторонами 0,13—0,18 м относились, скорее всего, к портикам полузакрытого типа.

¹⁴ Vitruv., VI—III—7.

¹⁵ Е. И. Евдокимова, *Архитектура народного жилища в античной Греции*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, М., 1947, стр. 76.

видно, высота наземных помещений безордерных домов вряд ли могла быть меньшей и, следовательно, учитывая сказанное выше, находилась в интервале примерно 1,9—3,0 м¹⁶.

Конечно, все эти постройки до известной степени носят условный характер, однако возможные колебания вряд ли выйдут за пределы $\pm 0,2$ — $0,5$ м, что на особенностях объемного решения того или иного дома практически не скажется.

I — I

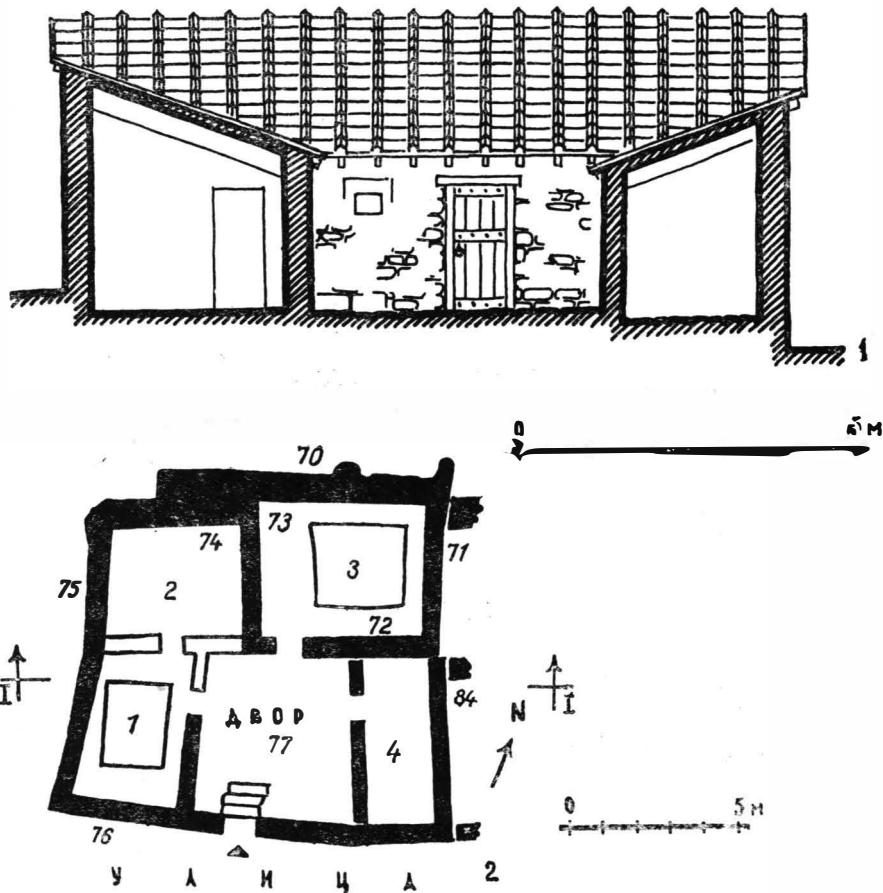

Рис. 4. — Участок И. Дом И-1. Реконструкция: 1. разрез по линии запад-восток; 2, план.

Перейдем к описанию наиболее типичных ольвийских домов. Безордерный дом типичной схемы малой площади. Дом И-1 (рис. 2,4). Тип — «П»-образный, площадь застройки — 113,5 кв.м, площадь двора составляет 19 %. В доме один жилой подвал и 4 комнаты, две из них, наиболее обширные, расположены по северной стороне двора. За исключением помещений № № 1, 2, остальные комнаты сообщались только и непосредственно с двором. Характер взаимной связи помещений, их размеры, конструкции полов и ориентация позволяют попытаться определить, хотя бы примерно, их назначение. Наиболее парадным помещением в доме была комната № 3. Жилыми комнатами являлись также № 1 и № 2. Очевидно, судя

¹⁶ Высоту порядка 2,3 м имели, очевидно, и комнаты в домах Илурата. В.Ф. Гайдукевич, *ук. соч.*, стр. 58.

по пропорциям и размерам ($2,0 \times 5,0$ м), а также наличию каменного пола, помещение № 4 использовалось только в хозяйственных целях. По поводу реконструкции планировки основное расхождение между исследователями заключается в решении вопроса: к какому дому относилось помещение № 4 — к И-1¹⁷ или к И-2¹⁸. Нам представляется возможным согласовать обе точки зрения. Так, характер взаимного расположения и тип связи кладок¹⁹, наличие в стене № 84 остатков древесного проема свидетельствуют о том, что помещение № 4 в I и II строительных периодах относились к дому И-1. И только в последний период существования домов, когда уровень вымосток в доме И-2 повысился почти на 1,0 м, проем в стене № 84 заложили, а в кладке № 85 устроили другой, соединивший комнату № 4 с домом И-2. Для этого времени планировку домов, к сожалению, реконструировать нельзя.

Незначительная толщина отдельных стен (например, стена № 84 имеет толщину 0,3 м) при низком качестве их выполнения, отсутствие балочных гнезд от межэтажного перекрытия в кладке № 70, сохранившейся на высоту 2,45—2,9 м — все это позволяет считать, что дом был одноэтажным.

Высоты наземных помещений в реконструкции приняты в интервале 2,0—2,5 м.

В рассматриваемом доме крыши, учитывая незначительные пролеты помещений (2—4 м), приняты односкатными с направлением скатов внутрь двора. Это обусловлено расположением с западной и восточной сторон дома соседних владений, а с северной — значительным повышением рельефа. При реконструкции крыши мы исходили из предположения, что объемы помещений №№ 1, 2, 3 были одинаковой высоты и имели общую кровлю, комната № 4, возникшая позднее, по-видимому, была несколько ниже. Крыша — совмещенная (наличие чердака при таких пролетах следует, по-видимому, исключить), утепленная²⁰, с черепицей коринфского типа²¹, несущей конструкций являлись наслонные стропила. Уклон кровли принят в соответствии с углом подъема скатов, определенным на основании археологических материалов еще Б. В. Фармаковским²².

Конструкции дверей и окон сделаны по аналогии с рисунками на вазах, остатками таковых на Делосе, в Калос-Лимене, отчасти и в Ольвии.

Примером безордерного дома типичной схемы и большой площади является дом А-3²³ (рис. 5, 6, 7).

Тип плана «П»-образный; площадь застройки — 242 кв.м, от нее площадь двора составляет — 16—23 %. Дом имеет один подвал, семь наземных помещений, притрон и, по-видимому, навес в южной части — между притроном и комнатой № 1. Основные жилые помещения расположены в два ряда к северу от двора. Учитывая, что комнаты №№ 6, 7 отделены от двора помещениями №№ 4, 5, т.е. являются наиболее удаленными, можно предположить использование их в качестве спален. Отсутствие функциональной связи между помещением № 1 и всем домом, а также наиболее типичная и высококачественная кладка его наружных

¹⁷ Л. М. Славин, *Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг.*, в *Ольвия*, т. 1, К., 1940, стр. 14 и сл.

¹⁸ Е. И. Леви и А. Н. Карасев, *ук. соч.*, стр. 220 и сл., рис. 5.

¹⁹ Кладки №№ 86 и 93 к № 85 подходят впритык; в то же время № 85 и № 76 — перевязаны вперемеш.

²⁰ Остатки подобной утепленной кровли (утеплитель — солома, смазанная глиной) были найдены при раскопках дома у Зевсова кургана (IAK, 13, стр. 68, 69). Конструкция утепленной кровли особенно хорошо была прослежена при раскопках Олинфа (*Olynthus*, XII, стр. 184).

²¹ Л. М. Славин, *ук. соч.*, стр. 29.

²² Б. В. Фармаковский, *ук. соч.*, стр. 65, 66; в ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 73. Угол подъема ската, равный 20—21°, приводится и в статье И. Б. Брашинского, *Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг.*, в *Ольвия, Теменос и Агора*, М.-Л., 1964, стр. 297.

²³ Предлагаемая нами реконструкция плана отличается от плана, приведенного у Л. М. Славина (Л. М. Славін, *Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста*, в АП, XI, К., 1962, стр. 26, рис. 31), иной интерпретацией назначения помещения № 1, подвала в южной части дома и некоторыми другими деталями.

стен, говорят о том, что помещение № 1 к дому отношения не имело. В связи с этим, представляется вполне вероятным использование его в качестве лавки. Аналогичный характер имеют встроенные в жилые дома лавки Олинфа и Приены²⁴.

Значительный интерес представляет сооружение, находящееся в южной части дома и интерпретируемое обычно как подвал²⁵. Имеются, однако, основания предполагать возможность его использования в качестве цистерны. В пользу этого свидетельствует размещение

Рис. 5. — Участок АГД. Общий вид дома А-3 с северо-востока. Фотография в момент раскопок.

каменного ложа водостока по одной из центральных осей подвала, перпендикулярно и вплотную к его южной стене (рис. 8). В то же время этот водосток расположен под углом к южной наружной стене дома и соединяется за ее пределами на первой поперечной улице с водоприемным колодцем закрытого типа. Таким образом, подвал ориентирован по оси водостока, благодаря чему кладки его стен оказались не параллельны расположенным вблизи стенам дома А-3. Очевидно, подобное взаимное расположение колодца водостока и подвала неизъяснимо случайностью — они были функционально связаны и, следовательно, подвал в этом случае мог, скорее всего, являться водохранилищем — портфелью 1 м, поскольку обычно даже хозяйствственные подвалы в Ольвии делались глубже.

Так же, как и дом И-1, дом А-3 был одноэтажным безордерным. Высоты помещений в реконструкции приняты порядка 2,0—2,8 м, исходя из относительно больших размеров помещений и учитывая сказанное выше.

Крыша черепичная, коринфского типа, над помещениями №№ 1, 2, 3, протироном и цистерной — односкатная, со стоком во двор²⁶, над группой жилых помещений в северной

²⁴ *Olynthus*, VIII табл. 92, 93 — дом А — IV — 9; XII, табл. 202, 222 (I); *Villa Bronz*, «Priene», табл. XXI — дома XII, XIX, XIX и др.

²⁵ Л. М. Славин, *Ольвийські квартали централь-*

ної частини Верхнього міста, в АП, XI, К., 1962, стр. 24 и сл.

²⁶ Над комнатами №№ 1, 2, 3 не исключен также двускатный вариант, поскольку восточный фасад дома А-3 выходил на продольную улицу.

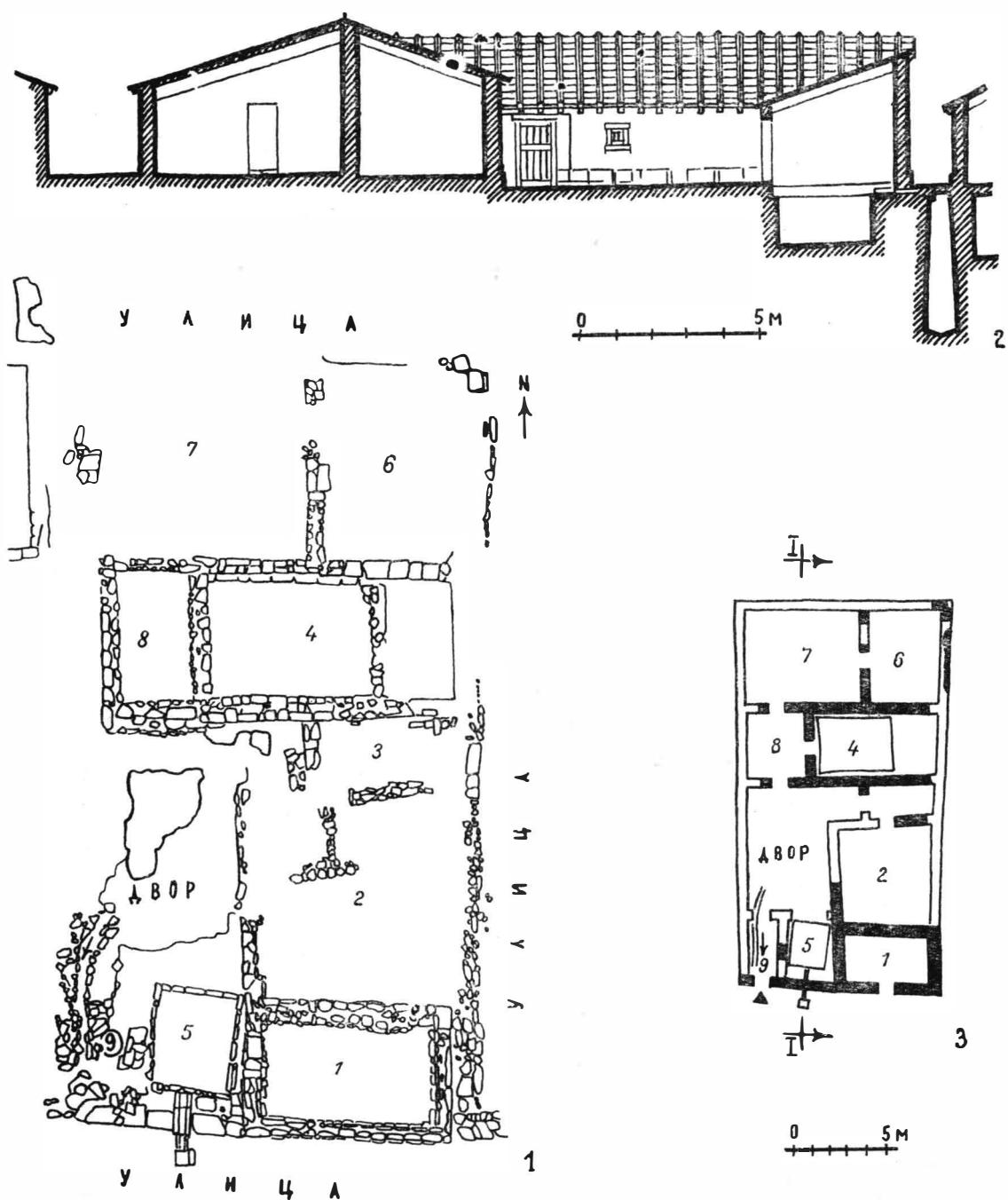

Рис. 6. — Участок АГД. Дом А-3: 1, обмерный план; 2, продольный разрез по линии север-юг. Реконструкция; 3, план. Реконструкция.

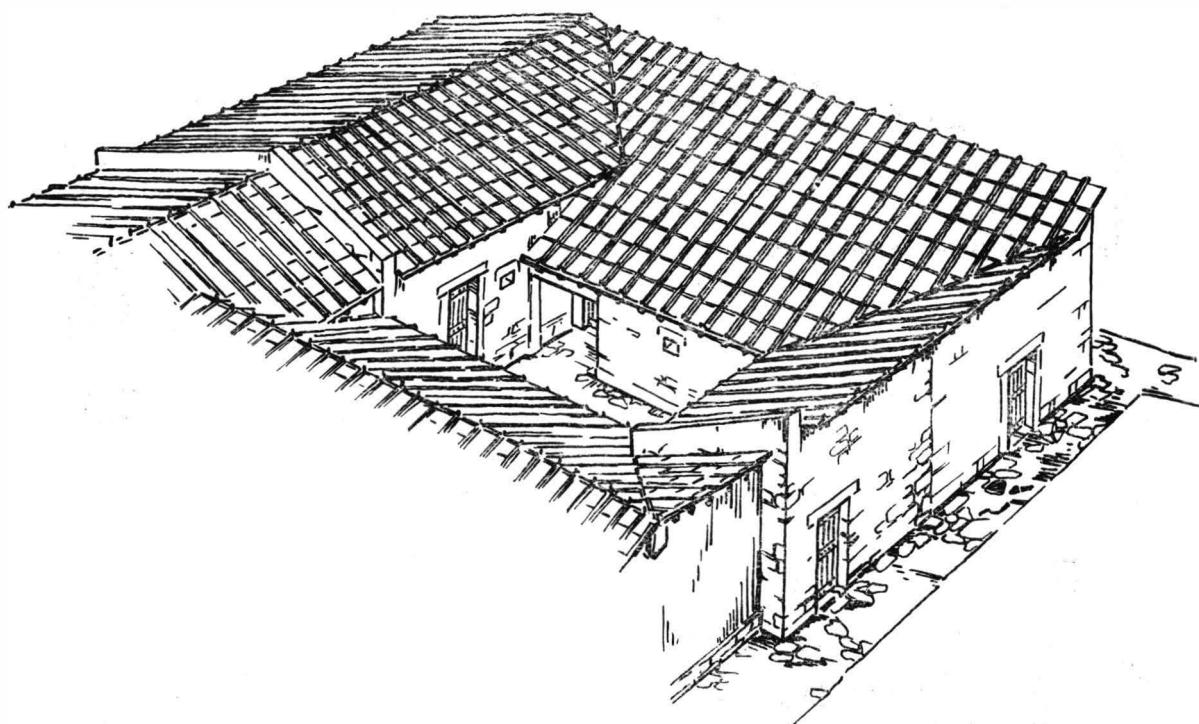

Рис. 7. — Дом А.-З. Общий вид с юго-запада. Реконструкция.

Рис. 8. — Общий вид канала, уличного колодца и «Цистерны» в доме А-З.
Вид с юга.

части дома, учитывая значительный общий пролет, — двускатная, с коньковым прогоном, проходившим по кладке № 15. В западной части дом А-3 смыкается с домом А-10, что исключает возможность устройства ската с уклоном в этом направлении. При двускатной крыше не исключено устройство чердака.

Таким образом, дом А-3 принципиальных отличий в съемно-планировочной схеме от И-1 не имеет, хотя его абсолютные размеры, а также с редней площадь жилых комнат больше.

Из безордерных домов нетипичной схемы показателен дом И-6²⁷ (рис. 9, 10).

Рис. 9. — Общий вид строительных остатков дома И-6. На заднем плане в центре фотографии видны кладки дома И-1. Фотография во время раскопок.

Площадь его застройки — 243—287 кв. м, площадь дворов составляет 31—40 %. В отличие от рассмотренных выше, дом имел три двора, один из которых являлся хозяйственным, другой — выполнял функции притирона, возможно, приемного помещения (не исключено, что этот двор был крытым, и, таким образом, являлся комнатой), в третьем, центральном, проходила жизнь семьи. Центральный двор был окружён крытыми помещениями по периметру. Представляет интерес четкая локализация группы жилых помещений, находящихся в северо-западной части дома. Площадь их от общей полезной составляла по наземному этажу всего 41—51 %. Площадь одной жилой комнаты — 10—15 кв. м. Разбивка дома на местности довольно непрямоугольная; конфигурация пятна плана изломана.

Представляется возможным в жилой части реконструировать, помимо цокольного, еще один этаж. В пользу этого свидетельствует значительное заглубление — до 0,6 м от уровня двора — полов жилых комнат наряду с расположением рядом поперечной улицы верхней террасы, находящейся на 2,6 м выше полов комнат. Это при средней высоте жилых помещений 2,0—2,5 м, пролете — 3,6 м и уклоне кровли до 20°, даст высоту конька, равную 2,2—2,7 м

²⁷ Северная часть дома нами принята по схеме планировки, намеченной Л. М. Славиным (Л. М. Славин, Ольвийские городские кварталы северо-

восточной части Верхнего города, в SA, VII, M., 1941, стр. 298, рис. 6). Изменения имеются в южной и юго-восточной частях дома.

в двускатном и 3,0—3,5 м в односкатном вариантах (при нулевой отметке в уровне двора). При одноэтажном решении край крыши будет возвышаться над вымосткой поперечной улицы всего на 0,2—0,7 м или, в лучшем случае, на 1,0—1,5 м, что делает внутренний двор легко просматриваемым снаружи. Очевидно, в подобных условиях заглубление помещений было вызвано желанием уменьшить общую высоту наземных стен с целью обеспечения их большей прочности, необходимой для устройства еще одного этажа. Существование второго этажа

С Е В Е Р Н Ы Й Ф А С А Д

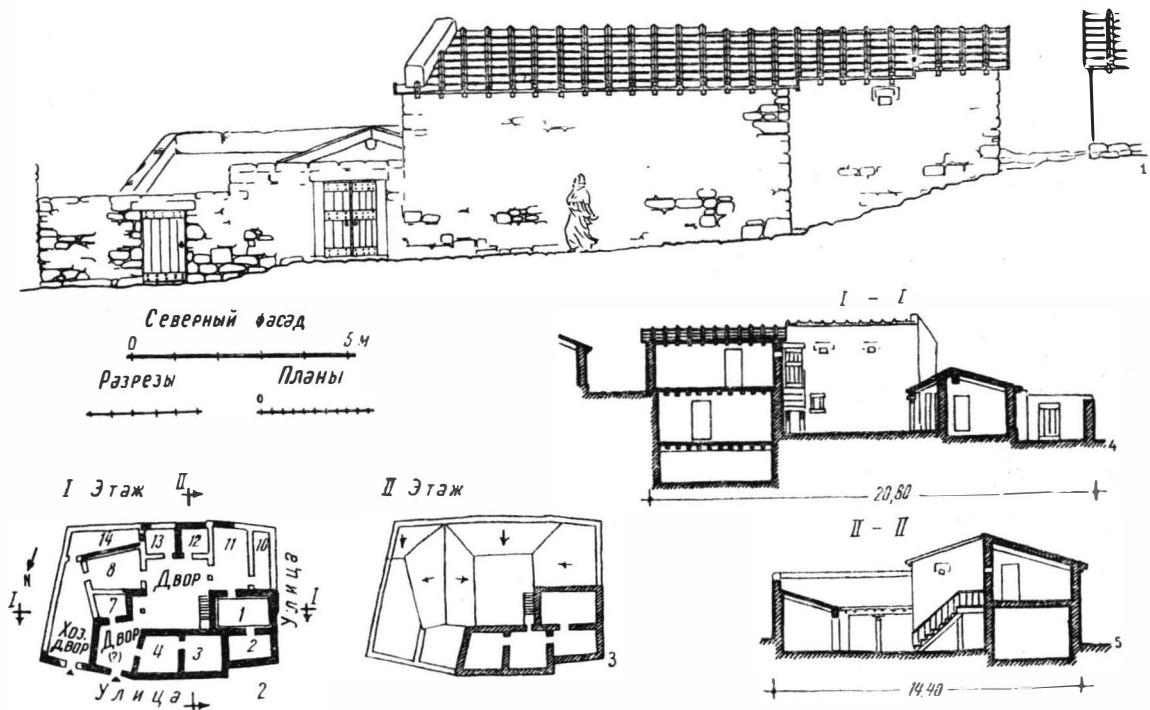

Рис. 10. — Участок И. Дом И-6. Реконструкция полутораэтажного варианта: 1, северный фасад; 2, план первого этажа; 3, план второго этажа; 4, 5, Разрезы.

косвенно подтверждается и слишком малым удельным весом жилых комнат в общей застройке дома в случае одноэтажного варианта.

Учитывая все это, представляется целесообразным предложить два варианта объемной реконструкции: с одно- или полутораэтажной группой жилых комнат. В последнем случае высота жилой части определена исходя из следующего: при заглублении полов до 0,6 м и необходимости устройства входа со двора минимальная высота комнат цокольного этажа составит 2,5 м в чистоте при высоте дверного проема 1,7 м при 2,8 м при высоте проема 2,0 м. (Высота дверного проема вряд ли могла быть менее 1,6—1,7 м, поскольку это связано с существенными неудобствами. К тому же, помещения являются наиболее парадными в доме). Высота комнат второго этажа если следовать указаниям Витрувия²⁸, составит 3/4 от высоты первого, т.е. в данном случае — 1,9 — 2,1 м.

Хозяйственные помещения №№ 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15 имели уровень полов, соответствующий вымостке двора, и состояли, судя по совершенно ничтожной глубине заложения по-

²⁸ Vitruv., V—1—3, VI—III—9.

допив кладок, из одного этажа. Их высота в наиболее низкой части, по-видимому, могла составлять 1,8—2,2 м — не более, поскольку даже жилые комнаты в Ольвии не всегда достигали в высоту 2,2 м.

Крыша над всеми помещениями принятая совмещенная, односкатная над комнатами №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13 и двускатная — над №№ 1, 2, 7, 8, 15. Основанием для устройства утепленной совмещенной кровли в данном случае послужили небольшие размеры помещений. Количество и направление скатов определены, исходя из величин перекрываемых пролетов и возможности обеспечения нормального стока дождевых вод.

Судя по находкам обломков керамид и калиптеров, кровля была выложена по коринфской системе; над отдельными группами хозяйственных помещений не исключено устройство саманных крыши.

Помимо безордерных домов, в Ольвии были раскрыты остатки и несколько ордерных жилых домов: Е-1, ЗК-2, НГФ-1, НГФ-2. Три из них были парадного типа, один — перистильного. Крытые помещения располагались « П »-образно и периметрально, площадь застройки находилась в пределах 240—550 кв.м, площадь дворов составляла 10—22 %.

Планировочные схемы этих домов в целом подобны домам данных типов в метрополии и отличаются, главным образом, относительно большим удельным весом дворов в застройке дома, наличием развитых подвальных этажей и в их составе иногда помещений, по пропорциям, месту в плане и функциональному использованию напоминающих обычные наземные парадды. Отличаются они также по конструкциям и стилевым особенностям капителей аттического ордера.

Интересный пример в этом отношении представляет собой дом НГФ-1²⁹ (рис. 11, 12). Площадь его застройки — 555 кв. м, площадь двора — 13—16%³⁰. Тип — парадный с

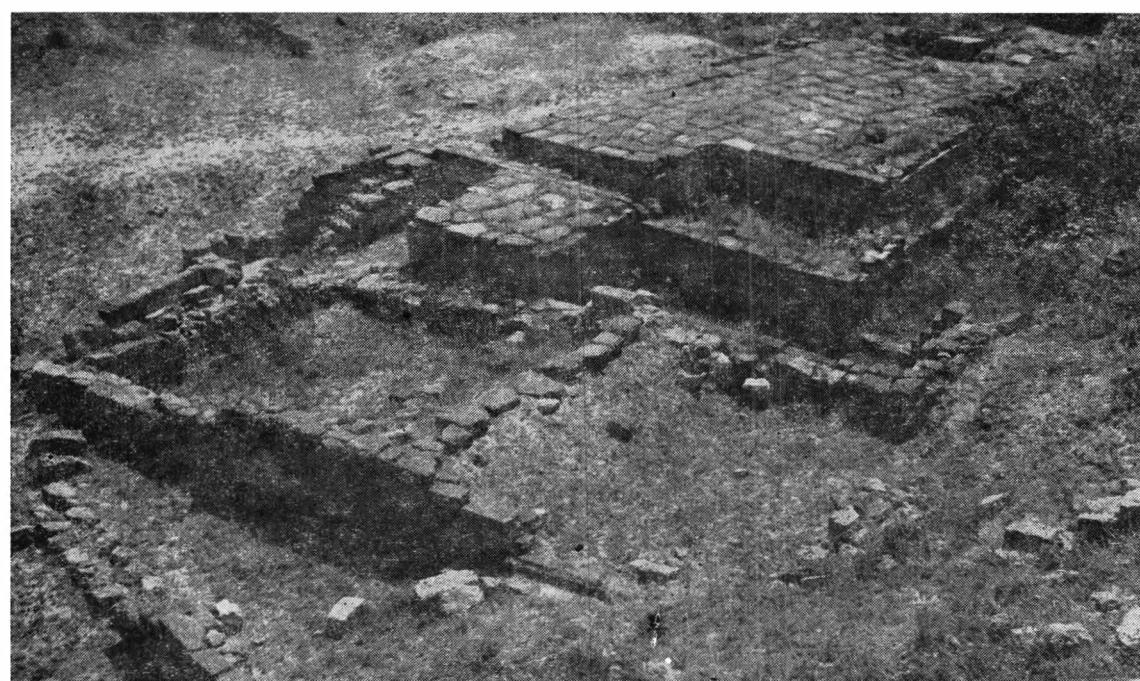

Рис. 11. — Общий вид строительных остатков дома НГФ-1 с северо-запада. Современное состояние.

²⁹ Нами в основных чертах принята схема реконструкции плана, предложенная Е. И. Леви и А. Н. Карасевым (Дома античных городов Северного Причерноморья, стр. 225, рис. 12). Отличия заключаются,

главным образом, в определении иного количества портиков и выделении подвальной парадды.

³⁰ Вторая цифра дана с учетом площади, занимаемой параддой и восточным портиком.

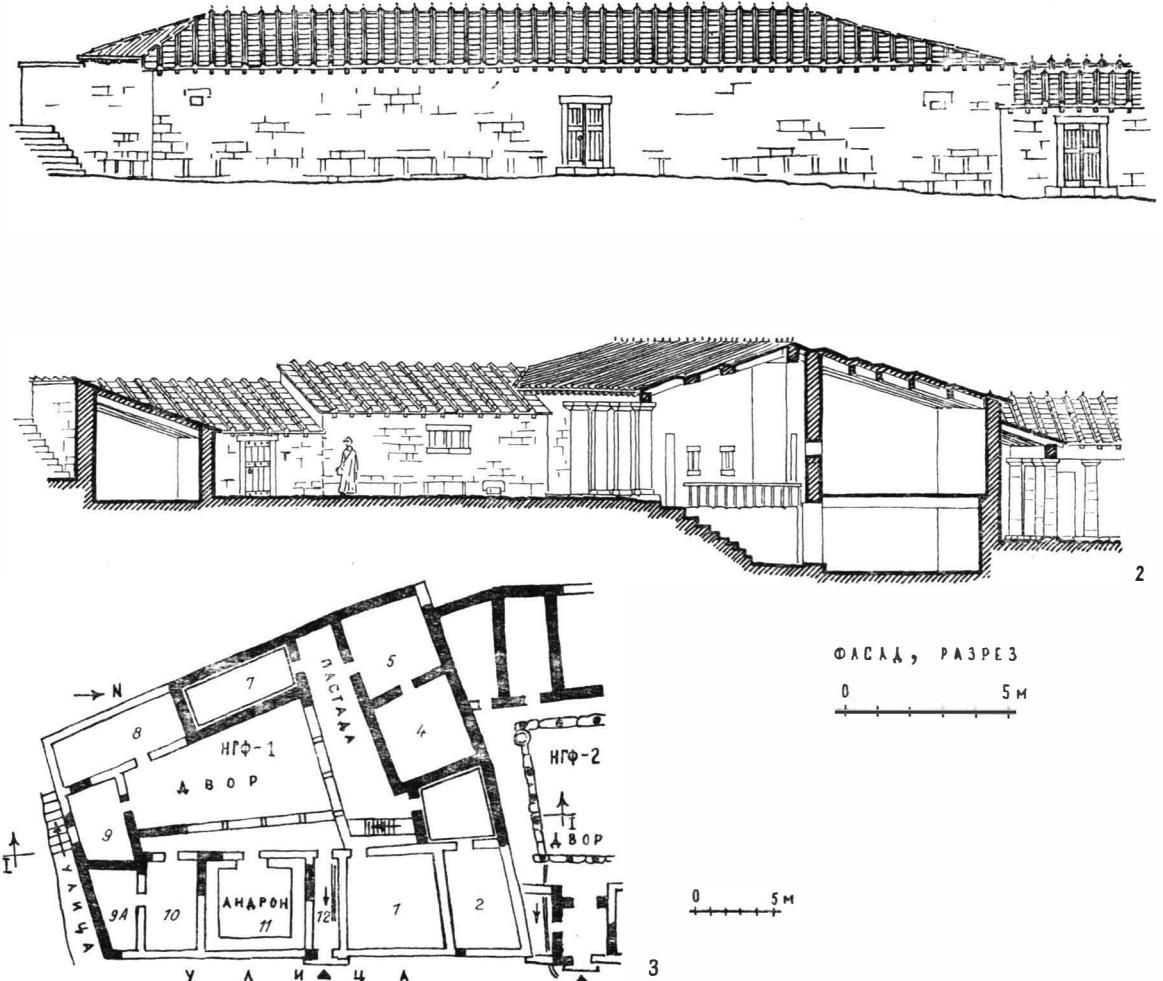

Рис. 12. — Участок НГФ. Дом НГФ-1. Реконструкция: 1, восточный фасад; 2, продольный разрез; 3, план II строительного периода.

периметральным расположением крытых помещений вокруг двора. Число комнат вместе с притроном и пастадой достигало 13.

В доме четко локализуется группа андрона. Последний имел известково-галечное покрытие пола и выделенные панели. В первом строительном периоде в доме имелся развитый подвальный этаж с помещением, соответствующим наземной пастаде. В пользу этого говорит следующее: подвал № 6 имеет весьма вытянутую форму (13×3 м), примыкая одной из длинных сторон ко двору и отделяя от него ряд помещений. Благодаря этому, подвалы №№ 3, 4, 5, 7 могут сообщаться с наземным этажом только через подвал № 6, в котором для этой цели была устроена одномаршевая каменная лестница. Очевидно, что помещение № 6 в этих условиях могло использоваться только в качестве связующего, причем его небольшая глубина исключает возможность устройства сплошного перекрытия в уровне наземного этажа. Несомненно, однако, что перекрытие над подвалом № 6 должно было быть и, скорее всего, находилось, учитывая сказанное, на отметке крыши наземного этажа. При этом наземная часть стены, поддерживавшей южный край крыши, скорее всего была решена в виде полузакрытого или обычного открытого портика, поскольку доступ дневного света в помещение,

предназначенное для связи между подвалами, был весьма желателен³¹. Таким образом, подвал № 6, по сути, соответствовал обычным наземным пастадам античных домов. Пастадный тип планировки дома НГФ-1 сохранился и во втором строительном периоде, когда подвал № 6 был ликвидирован и дом получил обычную наземную пастаду.

Помимо пастады, в доме имелся еще один портик по восточной стороне двора; глубина его была значительно меньше и составляла всего 1—1,5 м. Найденные при раскопках всего участка капители аттического ордера позволяют, с учетом ширины пастады, определить возможную высоту жилых помещений, которая в основных парадных и жилых комнатах могла составлять около 3 м. Четкое выделение группы андрона наряду с пастадой позволяет предположить наличие разделения дома на мужскую и женскую половины. Есть основания полагать, что хозяйствственные помещения группировались в южной и юго-западной частях дома, имея, благодаря этому, северную или восточную ориентацию.

Крыши с черепичным покрытием по коринфской системе над восточной и северной группами помещений, судя по пролетам, были двускатными, причем скаты их, по-видимому, размещались более или менее на одной высоте и в силу этого пересекались. Интересно, что если высоты портиков в обоих домах определить по найденным капителям и крышам дать уклон, характерный для Ольвии, то (с учетом размещения дома НГФ-1 в целом выше, чем НГФ-2) северный карниз крыши НГФ-1 окажется несколько выше верхней точки кровли южного портика перистиля НГФ-2. Таким образом, проблема сопряжения одинаково ориентированных скатов двух различных домов решается достаточно просто и поэтому представляется наиболее вероятной для реконструкции. Небольшие пролеты западных и южных комнат позволяют реконструировать над ними односкатную кровлю. Карниз последней размещается, очевидно, ниже, чем в портиках.

В целом, несмотря на то, что при определении назначения тех или иных помещений возникают значительные трудности (это обычно удается делать исходя из анализа только планировки дома), все же во многих случаях удается выделить группу жилых или парадных помещений. В частности, четко выделяется андрон в домах у Зевсова кургана и на участке НГФ. Эта комната имеет квадратный или приближающийся к квадрату план, известковый или галечный пол с выделенными, как и в домах Олинфа³², панелями шириной 0,7—0,9 м. Во всех трех случаях андроны выходят в портики.

К сожалению, за исключением только дома И-6, нет возможности уверенно определить местонахождение кухонь, а также помещений, предназначенных для устройства ванн или уборных. Единственное исключение представляет дом НГФ-2, где в помещении у входа, по аналогии с домами Делоса³³, действительно могла находиться уборная.

Общими для всех домов являются преимущественно южная ориентация основной группы жилых помещений и относительно высокий процент площади, занимаемой двором. Так, если в жилых домах городов метрополии процент площади, занимаемой двором, колеблется в пределах 5—22 (площадь открытой части двора в Олинфе и на Делосе составляет 5—20%, Приене — 6—23%, в основном же 8—15%), то в Ольвии — 10—36% и чаще всего 15—20%. Таким образом, в среднем ольвийские дворы относительно более обширны и менее закрыты

³¹ Хорошее освещение помещения № 6 требовалось исходя и из того, что наземные комнаты № 3, 4, 5 не имели возможности получить дневной свет с северной стороны, т.к. там находился двор жилого дома НГФ-2 и, следовательно, могли освещаться только из пастадного помещения № 6.

³² *Olynthus*, VIII, стр. 171 и сл.

³³ A. Plassart, *Fouilles de Délos, Quartier d'habitations privées à l'est du stade*, в ВСН, XL, 1916, стр. 164, сн. 1.

При наличии домов пастадного типа в Ольвии пока неизвестно ни одной простады³⁴. Возможно, это объясняется тем, что простада, являясь, по сути, только передней, практически почти никак не могла использоваться в хозяйственных целях. Указанные особенности представляют значительный интерес, поскольку могут до некоторой степени свидетельствовать о характере деятельности владельцев тех или иных домов³⁵.

Наряду с большим процентом площаи дворов, ольвийские дома имеют и некоторые другие существенные отличия от сооружений средиземноморского типа, продиктованные местными климатическими условиями. Это наличие подвальных этажей, что характерно для Северного и Северо-Западного Причерноморья в целом, и устройство подвальных помещений, аналогичных по размещению в плане и пропорциям пастадам. Последнее в Северном Причерноморье известно пока только в Ольвии. Следует сказать, что отсутствие единого регулярного прямоугольного плана города в целом, в Верхней и Террасной частях, в частности, относительно небрежная разбивка домов на местности, безордерный характер большинства домов, большая площаи дворов — все это указывает на провинциальный характер домостроительства Ольвии.

В объемном отношении около половины рассмотренных домов Ольвии имели наземный и подвальный этажи. В одних случаях подвальные помещения между собой не сообщались и каждое из них имело самостоятельный выход в первый этаж, в других они связывались при помощи специальных проходных помещений, соответствовавших наземным пастадам.

Наряду с подобными домами в Ольвии, конечно, могли существовать и настоящие двухэтажные дома³⁶. Однако, если полутораэтажные дома, можно полагать, нам известны (И-6, Е-2), то примеров двухэтажных мы пока не имеем. Очевидно, это объясняется тем, что, составляя 15—45 % от площаи наземного этажа дома, жилые подвалы в Ольвии, по сути, заменили обычный второй этаж. Последнее и обусловило, по-видимому, распространение преимущественно одноэтажной застройки.

Уличные фасады ольвийских домов представляли собой глухие стены с одним входом, иногда, по-видимому, с небольшими, высоко расположенным окнами помещений, не имеющими возможности получить прямой дневной свет из внутреннего двора. В наиболее богатых ордерных домах входы могли акцентироваться плоскими портиками, решенными в формах, типичных для ольвийского аттического ордера (дом НГФ-2). Дворовые фасады, в отличие от уличных, в одном и том же доме были весьма разнообразны. В отдельных случаях основные жилые помещения, ориентированные на юг, делались несколько выше остальных. При этом большое значение в композиции дворовых фасадов имели портики (открытого и полузакрытого типов³⁷).

В ордерных ольвийских жилых домах в основном применялся аттический, смешанный по материалу ордер — базы и капители известняковые, столбы и антаблемент — из дерева.

³⁴ По ряду причин мы не можем согласиться с реконструкцией дома у Зевсова кургана, предложенной Б. В. Фармаковским (ИАН, 13). В нашей реконструкции этого дома имеет пастадный тип, помещение же с мозаикой, которое Б. В. Фармаковский считал двором, рассматривается в качестве андрона.

³⁵ Если использование определенного типа планировки в богатом доме могло обуславливаться второстепенными причинами, то планировка рядового жилого дома в массе, безусловно, подчинялась наиболее важным требованиям, выдвигаемым укладом жизни владельца, и не менялась под влиянием

каких-то внешних причин. В связи с этим представляют интерес дома Илурата, активное хозяйственное использование которых доказано непосредственно археологическими данными. Площаи дворов в этих домах занимает 15—48 %, причем в пяти случаях из восьми — более 29 %.

³⁶ Е. И. Леви и А. Н. Карасев, *Дома античных городов Северного Причерноморья*, стр. 228.

³⁷ В пользу последнего свидетельствуют небольшие размеры некоторых капителей аттического ордера, находимые в Ольвии при раскопках. Аналогичные портики имели место и в Олинфе. I. W. Graham, *Olynthia*, «Hesperia», XXII, 3, 1953, стр. 203 и сл.

Пока в Ольвии известен только один эллинистический дом перистильного типа, в котором использован чистый дорический ордер.

В конструктивном отношении большой интерес представляют остатки кладок и специальных оснований, поскольку именно тут в максимальной степени проявилось влияние местных условий строительства и выработался ряд интересных приемов. Широкое распространение получили в Ольвии слоевые основания³⁸.

Ранние их образцы относятся здесь к концу IV в. до н.э., когда они применялись только под отдельными кладками или помещениями, и их оптимальные размеры еще не определились. Наиболее широко начинают применяться слоевые основания, начиная с III в. до н.э. Иногда буквально в целых кварталах дома возводятся на них.

Ольвийские слоевые основания состоят из чередующихся землисто-золистых и лесковых прослоек, толщина которых колеблется в пределах: золистых — 0,05—0,1 м, лесковых — 0,06—0,3 м³⁹. В монументальных сооружениях эти интервалы несколько шире, и сами слои в целом ряде случаев более мощны. В раннее время толщина прослоек была в среднем меньше (порядка 0,05—0,15 м), чем в позднее. Слоевые основания делались в полтора-два раза толще каменных цоколей и обычно доводились до материка.

Большое распространение этого приема в Ольвии было главным образом обусловлено большой толщиной культурного слоя, имевшего неравномерную плотность, в сочетании с лесовыми грунтами.

Слоевые основания известны не только в Ольвии, но и вообще в Северном и Северо-Западном Причерноморье. Наиболее ранние образцы их, относящиеся еще к V в. до н.э., были обнаружены на Березани⁴⁰, в Фанагории⁴¹, на поселении Закисова балка⁴², в Истрии⁴³. Конструкция слоевых оснований была не всегда одинакова. Различны толщина, регулярность чередования, материал самих прослоек. Однако почти нигде, кроме Ольвии, не наблюдается такой высокой стабильности использования только двух видов материала и такой четкой регулярности. Это позволяет предполагать, что именно в районе Ольвии и Березани прошли первые этапы формирования этой конструкции. Вряд ли можно усматривать в ольвийских слоевых основаниях продолжение «ионийской» традиции⁴⁴, поскольку, во-первых, имеются налицо доказательства постепенного совершенствования этого приема, по-видимому, зародившегося стихийно, в ходе местного строительства, от примитивных, с весьма слабо выраженной регулярностью оснований Березани до высококачественных образцов эллинистических оснований Ольвии или Истрии. Во-вторых, очевидно, нельзя считать, что этот прием был хорошо известен и обычен в практике ионийских инженеров, т.к. упоминание о применении подобной конструкции при сооружении храма Артемиды Эфесской говор-

³⁸ Их прежнее определение «слоевые фундаменты» представляется не соответствующим сути конструкции.

³⁹ Л. М. Славін, *Ольвійські квартали центральної частини верхнього міста*, в АП, XI, К., 1962, стр. 30.

⁴⁰ В. В. Лапин, *Отчет о раскопках поселения на острове Березань в 1960 г.*, Научный архив Института археологии АН УССР, стр. 22. Судя по материалу из субструкции, ее датировка не может быть позднее начала IV в. до н.э. Обнаруженные Э.Р. Штерном слоевые основания, Б. В. Фармаковский относит даже к архаическому периоду. Б. Ф. Фармаковский, *Раскопки в Ольвии в 1907 г.*, в «Негмес» 1907, 2, стр. 48; Он же, в АА, XXII, 1907, стр. 144.

⁴¹ М. М. Кобылина, *Фанагория*, в МIA, 57, М., 1956, стр. 28—34; она же, *Культура Фанагории досарматского периода*, в *Античный город*, М., 1963, стр. 88.

⁴² Ф. М. Штітельман, *Поселення біля Закисової балки (розкопки 1948—1949 рр.)* в АП, VII, 1958, стр. 134 и сл.

⁴³ *Histria*, I, стр. 198 и сл., табл. XXVI, XXVII, рис. 77, 78, 85. М. Соя, *L'artisanat à Histria du VIe au I^e siècle av. p.е.* в «Dacia», N. S., VI, 1962, стр. 121—122 рис. 4.

⁴⁴ Б. В. Фармаковский, в ОАК за 1907 г., СПБ., 1910, стр. 30, сн. 2; Э. Кондураки, *Эллинистический период в Добрудже*, в «Dacia», N. S., III, 1959, стр. 223.

рит именно о ее необычности, а не наоборот. Диоген Лаэртский находит нужным назвать даже человека, посоветовавшего применить этот прием⁴⁵. Кроме того, один слой угля — это еще далеко не слоевые основания.

Создание слоевых оснований свидетельствует о значительной самостоятельности «инженерной мысли» в городах Северного Причерноморья, и в частности в Ольвии.

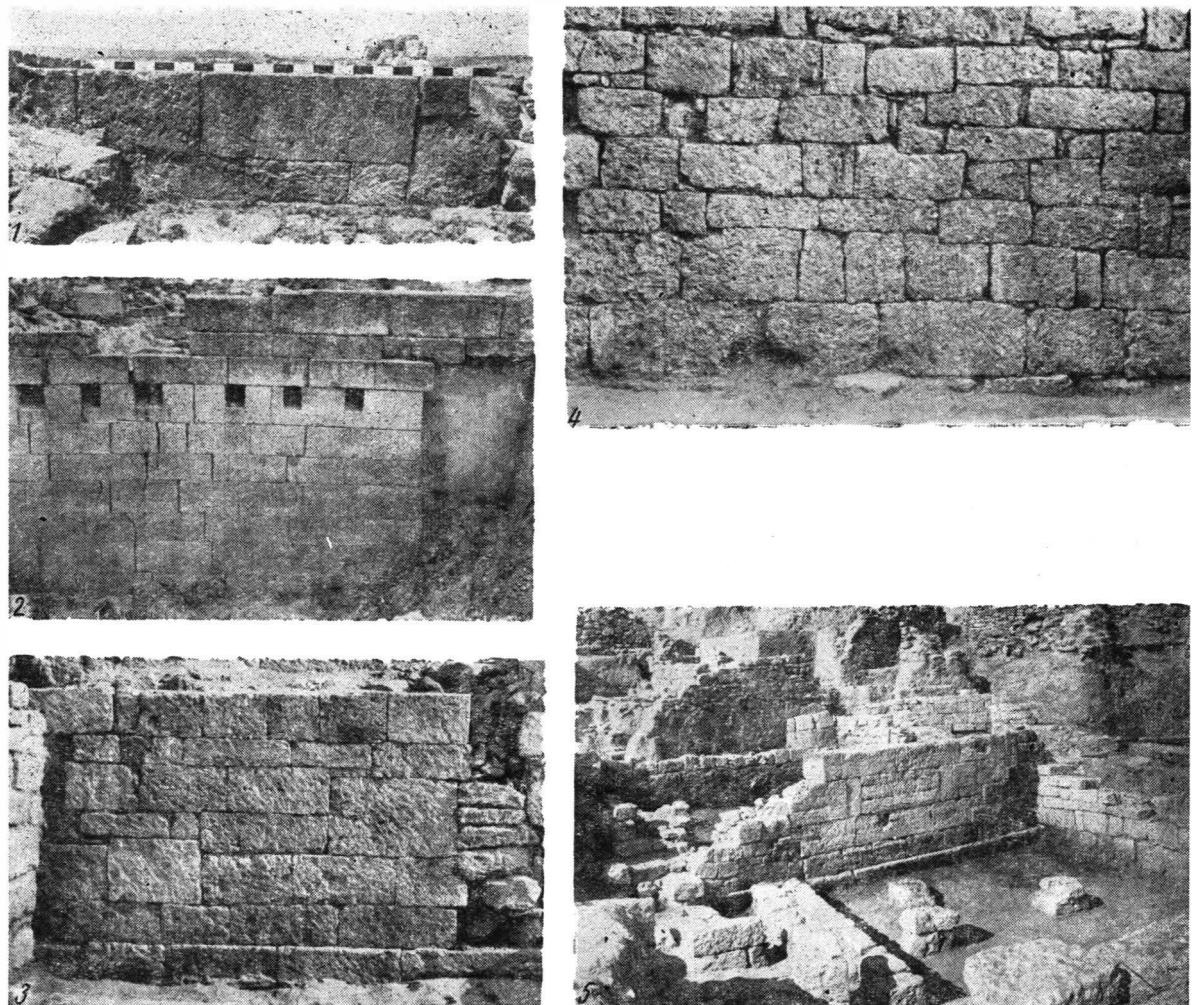

Рис. 13. — Типы кладок жилых домов, характерные для начала эллинизма: 1, 2, участок АГД. IV в. до н.э.; 3, 4, участок Е. Конец IV—начало III вв. до н.э.; 5, участок НГФ. В центре снимка — кладки IV—III вв. до н.э.

Фундаменты стен ольвийских жилых домов делались ленточными каменными, в основном по однорядным постелистым системам и состояли из одного, иногда двух рядов плит с необработанной нижней поверхностью, заглубленных в землю на 0,2—0,4 м, иногда со срезом, выступавшим на 0,02—0,05 м от фасада стены. В постелистых кладках с плохой выкладкой и неплотной притеской камней фундаментальная часть обычно ничем не выделялась от собственно стены.

⁴⁵ Б. В. Фармаковский, *Раскопки в Ольвии в 1907 г.*, в «Hermes» 1907, 2, стр. 48.

Ольвийские кладки стен⁴⁶ в подвальных помещениях делались из камня (в основном ракушечника) на всю высоту, а в наземных в большинстве — только на высоту цоколя. Можно наметить общий характер развития этих конструкций. Для классического периода — начала эллинизма — характерно применение сложных трех- или двухслойных двухрядных орфостатных систем⁴⁷ с тщательной выкладкой и плотной притеской по месту, в основном из прямоугольных блоков и плит; однорядные постелистые кладки, часто с неплотной притеской, отличаются большой тщательностью укладки, подбором в каждом отдельном случае более или менее одинаковых размеров камней, последовательностью в применении принятой системы (рис. 13).

Кладки середины — конца эллинизма отличаются меньшей тщательностью в подборе более или менее одинакового по размерам материала, худшей выкладкой, неплотной притеской, широким использованием непрямоугольных и полигональных плит и блоков, не-последовательностью в применении выбранной системы. Камни в этих кладках по месту не подтесываются, а только по возможности подбираются. Кладки делаются одно- или двухслойными по однорядным, преимущественно постелистым системам. Почти исчезают двухрядные сложные орфостатные и полигональные системы. Только в некоторых случаях в кладках цоколей еще иногда применяются сложные двухрядные орфостатные кладки, которые однако носят на себе следы небрежности и непоследовательности в применении системы. Лицевая поверхность камней обрабатывается менее тщательно (рис. 14). Каменотесное мастерство отодвигается на второй план и главную роль начинают играть различного рода покрытия. К концу эллинизма ухудшение качества и упрощение систем вынуждают строителей для сохранения достаточной несущей способности кладок увеличивать несколько толщину стен (в раннее время толщина кладок составляла чаще всего 0,4—0,5 м, позднее — 0,55—0,65 м), а также весьма широко применять защитные покрытия.

Подобные явления в III—II вв. до н.э., по-видимому, объясняются большим размахом строительства наряду с нехваткой квалифицированных кадров мастеров.

Следует подчеркнуть, что на каждом отдельном участке обычно применялись более или менее однотипные конструкции кладок.

Так, для участка И характерно применение однорядных постелистых однослоистых кладок из плохо выкладанных, неплотно притесанных, с грубой и средней окантовкой лицевой поверхности, в основном полигональных и реже прямоугольных плит и блоков (рис. 15).

На участке АГД, наряду с постелистыми однорядными применялись также орфостатные одно- и двухрядные кладки с более плотной притеской прямоугольных плит и блоков, с относительно лучшей выкладкой и мелко околотой или отесанной их лицевой поверхностью. Широко использовались материалы вторичного употребления (без дополнительной обработки) (рис. 13—1, 2; 14—1, 2).

Кладки стен у Зевсова кургана в основном делались по однорядным постелистым и двухрядным орфостатным системам из хорошо выкладанных плит и блоков с довольно тщательной притеской.

На участке Е₆₋₇ возводились главным образом однорядные постелистые и орфостатные кладки с неважной выкладкой камней и неплотной притеской прямоугольных и полигональных плит и блоков (рис. 13—3, 4; 14—3, 4, 5).

⁴⁶ Общие вопросы эволюции конструкций и строительных приемов в Ольвии, в частности кладок, затрагиваются в статьях А. Н. Карасева — *Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья* (стр. 126—138) и *Архитектура (краткий очерк)*, в АГСП, стр. 189—194.

⁴⁷ Терминология и классификация кладок даны по статье: С. Д. Крижанский, *До питання про методику опису античних кладок Північного Причорномор'я, VII ст. до н. е. — ст. н. е.*, в «Archéologija», Kiev, XVIII, 1965, стр. 39—48.

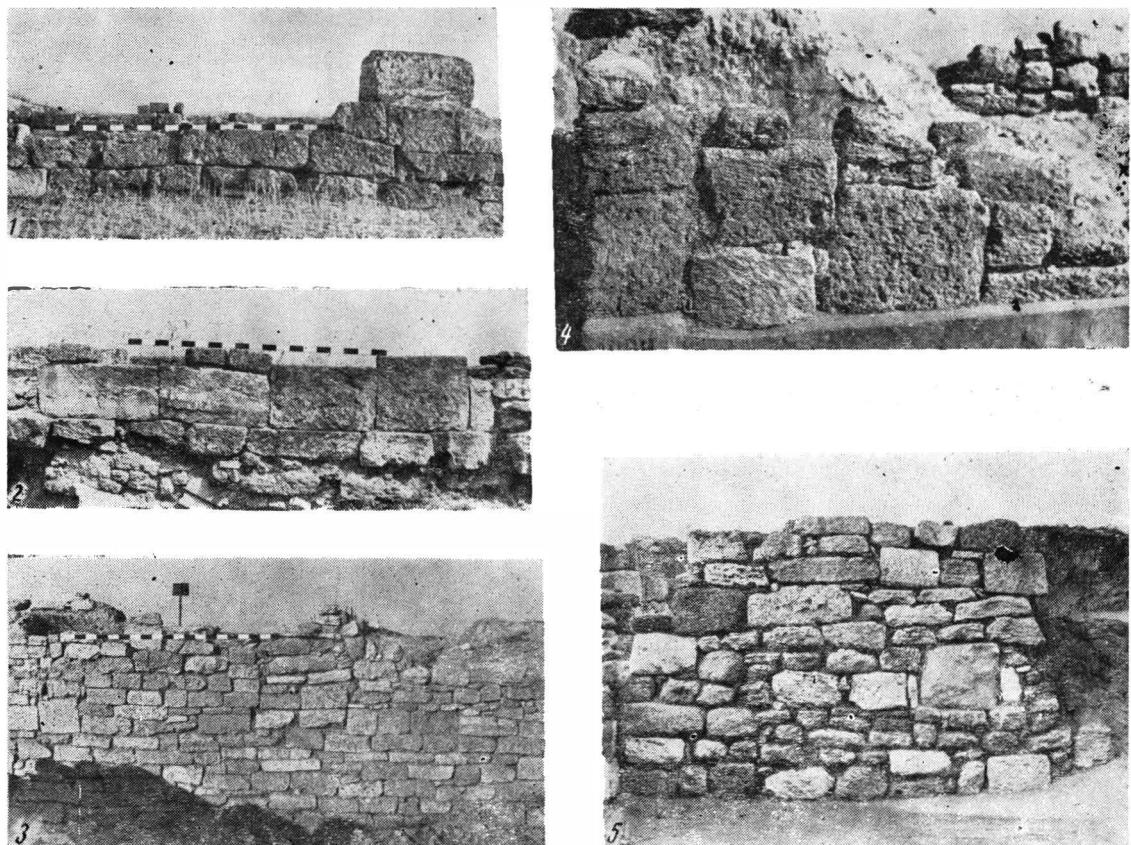

Рис. 14. — Типы кладок жилых домов, характерные для середины — конца эпохи линизма: 1, 2, участок АГД. Конец III—II вв. до н.э.; 3, 4, 5, участок Е. III—II вв. до н.э.

Рис. 15. — Кладка, типичная для Средней террасы участка И. Начало III в. до н.э.

На участке НГФ были распространены кладки однорядные постелистые и орфостатные, двухрядные орфостатные, иногда сложные с плотной притеской по месту и тщательной выкладровкой и обработкой прямоугольных плит и блоков (рис. 13—5).

Важно подчеркнуть, что указанные различия проявляются в рамках одного хронологического периода.

Преимущественное распространение в жилом строительстве Ольвии в конце классического — начале эллинистического периодов типов кладок, характерных в основном для монументального строительства, свидетельствует о формировании собственных строительных традиций в городе на основании заимствования лучших примеров техники кладки стен монументальных сооружений метрополии, а не обычных жилых домов. Этим объясняется и довольно стойкое существование рецидивов систем предыдущего времени — особенность ольвийского эллинистического домостроительства.

Мало известно о типах кладок из сырца, хотя наземные стены домов, за исключением цоколей, часто выполнялись именно из этого материала. Несомненно, однако, выполнение сырцовых кладок по однослойным, рядовым постелистым системам. В ряде случаев кирпичи имели ширину, равную толщине стены — 0,38—0,4 м (иногда — в два раза меньше — 0,2 м) при высоте 0,06—0,08 м и длине 0,40—0,50 м. Таким образом, в Ольвии, по-видимому, наиболее широкое распространение имел πεντάδωρον — квадрат со стороной, равной 0,39 м, — характерный для греческого строительства вообще⁴⁸.

Недостаточность материала не дает возможности выявить с достаточной полнотой конкретные особенности других конструкций ольвийских домов, хотя общий характер и отдельные их особенности известны либо поддаются восстановлению. В частности, полы в ольвийских домах делались глинобитными, каменными, известковыми, галечными и деревянными. Известковые и галечные полы делались исключительно в андрах, даже прихожие их, по-видимому, таких покрытий не имели; деревянные полы устраивались только в качестве междуэтажных перекрытий, каменные — в протиронах и помещениях подсобного назначения, глинобитные — во всех остальных случаях, в частности, в подвалах.

Междуетажные перекрытия состояли из настила по балкам прямоугольного сечения (с соотношением ширины к высоте 1:1—1,2), укладывавшимися с неравномерным шагом порядка 0,3+0,6 м, независимо от сечения балочных гнезд. Существовали также, по-видимому, перекрытия накатного типа, укладывавшиеся по полочкам, устроенным в противоположных стенах. Перекрываемые пролеты помещений находились обычно в пределах 3—5 м в чистоте, преимущественно около 4,0 м, и только в двух-трех случаях доходили до 5,5—6,5 м.

Аналогичный характер, очевидно, могли иметь и чердачные перекрытия в наиболее парадных помещениях. В большинстве же случаев чердаков не было, и потолок служили утепленные черепичные или саманные кровли.

Крыши ольвийских эллинистических домов в зависимости от перекрываемого пролета и общей конфигурации плана крытых помещений были чаще всего одно- или двускатными и крылись черепицей, в основном по коринфской системе — из керамид и калиптеров, значительно реже — по лаконской. В ряде случаев делались и саманные кровли. Находки коньковых — продольных и поперечных калиптеров позволили в общих чертах реконструировать характер кровельного ковра двускатной крыши, а также определить угол подъема скатов⁴⁹, который был больше, чем в Греции, и достигал 17—21°.

⁴⁸ Plin., XXXV, 14, 19; Vitruv., II—III—3.

⁴⁹ И. Б. Брашинский, Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг., в Ольвии, Теменос и Агора, М.-Л., 1964, стр. 304, рис. 11.

Форма дверных проемов в эллинистических домах была прямоугольной, без сужения кверху, стены гладкие — без четвертей, пороги часто каменные. Имел место и устройство элементарных деревянных коробок⁵⁰. К сожалению, единственный пример оконного проема (рис. 16) дошел до нас в перестроенном виде; предназначаясь для освещения подвала, он, по-видимому, значительно отличался от окон наземных помещений. В связи с этим, для реконструкции последних приходится пользоваться только аналогиями.

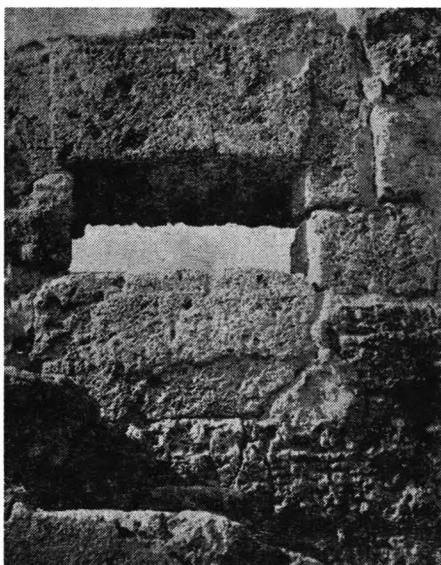

Рис. 16. — Окно в подвальном помещении дома А-2. Вид спереди.

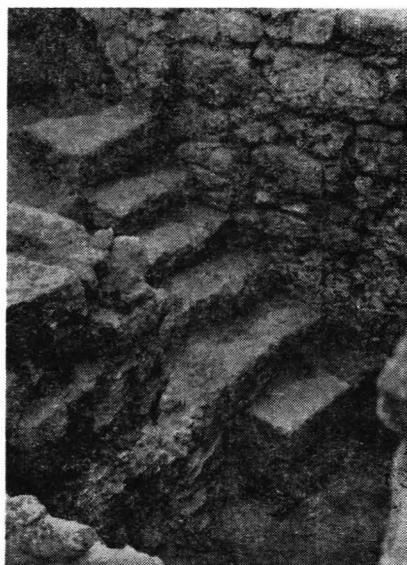

Рис. 17. — Лестница в подвал. Дом Е-3.

Для соединения подвальных или полуподвальных помещений с наземными этажами обычно устраивались одномаршевые каменные лестницы (рис. 17). Ступеньки укладывались на грунтовое основание без косоуров, угол подъема находился в пределах 30—45° (размеры проступей — 0,2—0,3 м, подступенков — 0,15—0,25 м), ширина марша — 0,8—1,0 м. Наряду с каменными лестницами существовали, разумеется, и деревянные, однако следов от них никаких не сохранилось. Можно полагать, что они были до известной степени подобны реконструкции, приведенной для олинфского дома⁵¹.

Большое внимание в ольвийском домостроительстве уделялось отделочным работам. В интерьере наиболее парадных помещений широко применялись известковые штукатурки с желтым, синим и особенно красным покрытием, а также полихромные росписи, приближающиеся к «структурному стилю». Обычная толщина подобных штукатурок 0,003—0,005 м; окраска выполнялась в основном в технике фрески. Известно также применение в отделке интерьеров архитектурных деталей, выполненных в рельефе из известкового теста.

Фасады жилых домов, в тех случаях, когда каменные стены выкладывались небрежно, покрывались, очевидно, глиняными обмазками; при сырцовых кладках анты и пилястры иногда имели деревянные облицовки⁵². В случае применения ордера нередко вводился цвет. Использовались иногда накладные терракотовые детали⁵³.

⁵⁰ С. Д. Крижицкий, *Архітектурні деталі з розкопок західної сторони ольвійської агори, 1962—1963 pp.*, в «Archeologija Kiev», XIX, стр. 165—176.

⁵¹ *Olynthus, arte VIII*, стр. 271 и сл., рис. 27, 28, табл. 73.

⁵² С. Д. Крижицкий, ук. соч., стр. 168.

⁵³ ОАК за 1902 г., рис. 32, 38; ІАК, 13, стр.

63, 71, рис. 34, 39—44,

Большой интерес представляют сохранившиеся в ольвийских домах элементы санитарного благоустройства зданий, позволяющие предполагать возможность существования в отдельных районах города отчасти централизованных систем водоснабжения с подводом воды к каждому дому. Наряду с этим, существовали и общественные колодцы в Нижнем городе, цистерны — в Верхнем. Наиболее богатые дома имели индивидуальные цистерны или колодцы. Устройство водостоков для вывода вод из внутренних дворов в уличные каналы известно в каждом доме. Водостоки делались из камня и были в большинстве случаев закрытого типа. Каналы имели прямоугольное сечение и выкладывались из отдельных камней, а не вытесывались.

В заключение коснемся вопроса об особенностях аттического ордера, применявшегося в ольвийских эллинистических домах.

Исследование капителей аттического ордера⁵⁴, найденных во время раскопок участков Е₆₋₇, ИГФ, а также находящихся в лапидарии Ольвийского музея, позволило сделать следующие выводы:

Формирование этого ордера, по-видимому, в значительной степени проходило здесь же, на месте; это подтверждается тем, что в Ольвии были найдены антовые капители, решенные в чистых дорических и ионических формах, промежуточное место между которыми и занимают смешанные дорико-ионические формы ольвийских аттических капителей. Последние были сделаны в Ольвии из ракушечника и серого известняка близлежащих месторождений.

Отправной точкой развития ольвийского аттического ордера, его основой являлся дорический. Однако при этом использовались формы не антовых, а обычных дорических капителей. Это, очевидно, было вызвано применением непрочных, мягких пород, в которых выполнение профиля *bес de corbin*, с одной стороны, затруднено, а с другой — из-за значительной непрочности материала — нерационально.

Все капители имеют прямоугольный план, при наименьшей стороне основания 0,13–0,3 м и высоте 0,13—0,25 м (это относится как к капителям столбов, так и к антовым). Учитывая то, что в аттическом ордере столбы обычно выходят на главный фасад узкой стороной, и используя пропорциональные соотношения, характерные для этого ордера в метрополии, можно определить высоту колонн, которая могла находиться в пределах 1,3—3,3 м и чаще всего составляла 2,0—2,5 м, что подтверждает их принадлежность к небольшим постройкам, такими и являлись в массе жилые дома.

Наличие на нижних сторонах большинства капителей врезок, предназначенных для соединения с аубом ствола, говорит о применении в портиках деревянных столбов.

Почти все капители состоят из одинакового набора обломов, отличающихся друг от друга только характером прорисовки и отчасти углом выноса, а также абсолютными размерами (рис. 18). Абак имеет прямую выкружку, иногда его верхняя грань по краю несколько скапливается. Эхин отделяется от абака обычно неглубокой врезкой и состоит из четвертого вала и одного-двух ремешков. Последние могут иметь форму полочек, разделенных врезкой, либо торусов; профиль же четвертых валов часто приближается к прямой линии, причем в некоторых случаях между этим валом и ремешками вписывается обратная скоция. Гипотрахелион состоит из полочки. Высота капителей по отношению к ширине столба по меньшей стороне находится в пределах 0,6—1,4 м, преимущественно 0,9—1,0. Если обычно

⁵⁴ С. Д. Крижицкий, ук. соч., стр. 165—176.

высота капители в дорическом ордере составляла 0,5 нижнего диаметра фуста, то в нашем случае эта величина, приближаясь к 1,0, может свидетельствовать об увеличении и всех остальных размеров по вертикали в 2—2,5 раза при неизменной ширине столба.

В качестве рабочей гипотезы представляется возможным наметить общий характер эволюции этих капителей в период эллинизма⁶⁵. Вначале — некоторое дробление формы, четкость в пропорциях и прорисовке обломов; затем переход к большей схематичности и укрупнению.

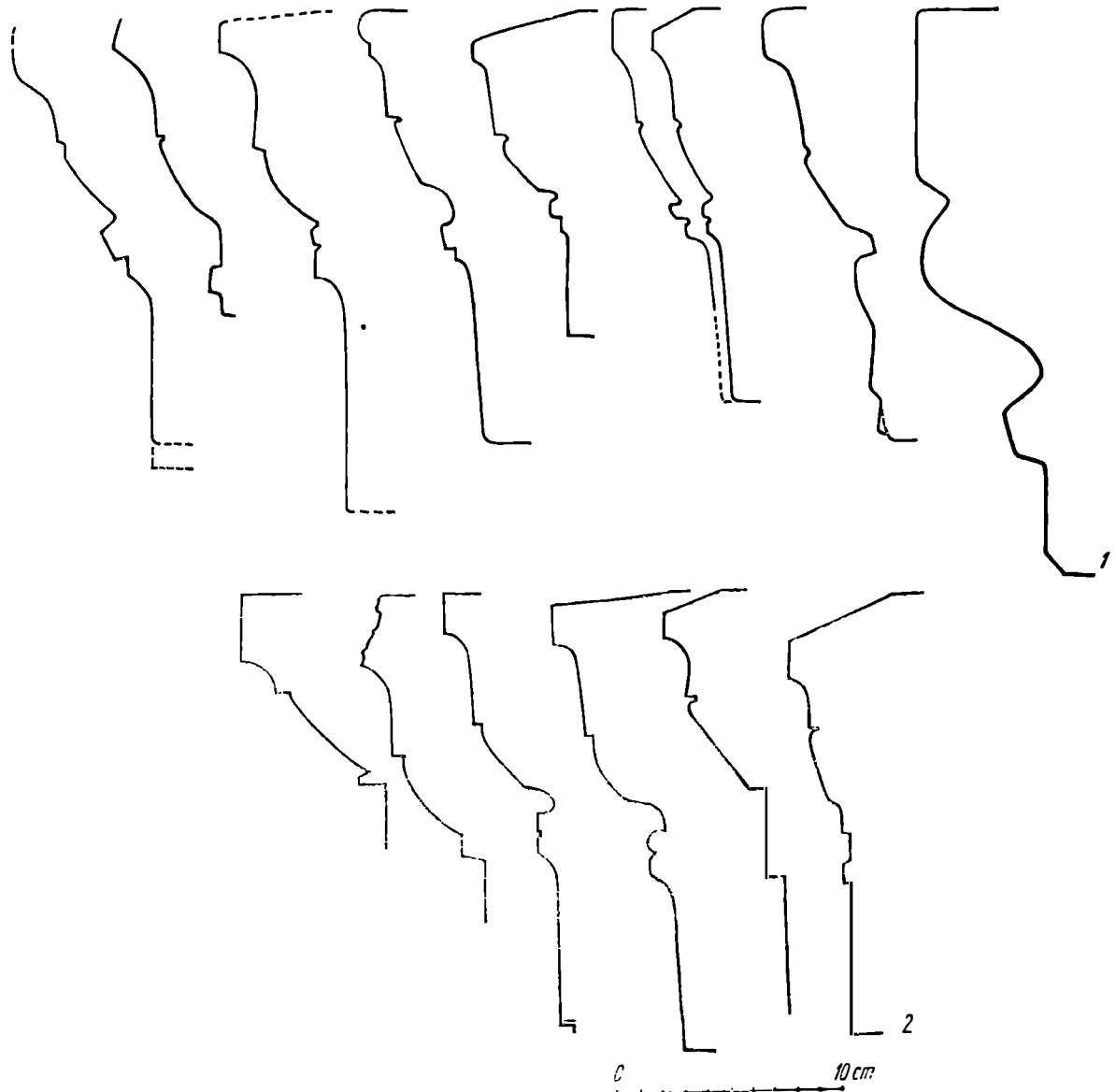

Рис. 18. — Обломы капителей аттического ордера; 1, натурные обмеры; 2, обломы, вычерченные на основании схематических обмеров Б. В. Фармаковского.

⁶⁵ Для установления относительной хронологии ольвийских капителей (большинство из них найдено вне слоя) единственным возможным пока путем является использование закономерностей развития дорических капителей вообще (О. Шуази, *История*

архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 235 и сл.) с учетом качества и тщательности их выполнения, соответствовавших, по-видимому, общему ходу эволюции приемов строительной техники в Ольвии,

нению профилировки — эхин становится почти плоским, увеличивается отношение высоты капителей к их ширине, а также углы выноса эхина и профилировки в целом. У ранних капителей этот угол лежит в пределах $40—50^\circ$ для эхина и $25—26^\circ$ — для обломов в целом. Позднее — соответственно $25—34^\circ$ и $18—25^\circ$.

Все это позволяет говорить о существовании достаточно самостоятельного местного ольвийского стилевого направления, сформировавшегося на основе переработки ордерных форм Греции и Малой Азии. При этом следует отметить, что ведущую роль в период эллинизма в Ольвии играет именно аттический ордер в отличие от дорического или ионического ордеров монументальных культовых сооружений, общий характер форм и эволюция которых почти ничем не отличались от имевших место в городах метрополии⁵⁶.

Все сказанное выше: особенности планировки жилых кварталов, объемно-планировочных решений жилых домов, конструкций, приемов строительной техники, архитектурных деталей аттического ордера — все это позволяет говорить о существовании в Ольвии достаточно сильно выраженного, самостоятельного местного архитектурно-строительного направления.

Одним из наивысших достижений этого направления, развивавшегося на базе творческой переработки архитектурных традиций Греции и Малой Азии, явился ольвийский эллинистический жилой дом. Его типы, берущие свое начало от общеантичных, в дальнейшем раз развиваются самостоятельно и независимо, что проявилось и в планировке, и в объемных решениях, и в конструкциях, и в характере ордера.

Архитектура ольвийского эллинистического жилого дома — одна из наиболее ярких страниц в истории архитектуры античных городов Северного Причерноморья.

В настоящей статье используются, помимо общих сокращений, указанных в конце тома, и следующие:

АГСП — *Античные города Северного Причерноморья*, М.-Л., 1955

АII — Археологічні Пам'ятки УРСР

ВИА — *Всеобщая история архитектуры*, М., Изд. Академии Архитектуры СССР

ПИСПАЭ — *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху*, М., 1959

Olynthus — D. Robinson, *Excavations at Olynthus*, I — XII, Baltimore, 1929—1946.

⁵⁶ А. Н. Карасев, *Архитектура*, стр. 194.